

ЗАЗДРАВНОЕ!

Культура. — 1994. — 23 июля. — С. 7.

## Пилите, Шура, пилите...

Думаю, многие сейчас воспользуются случаем для того, чтобы позлословить. Еще бы, такой повод: Александру Ширвиндту исполнилось 60!

Сколько раз он поздравлял, и обязательно остроумно, всех своих многочисленных друзей? Но я злословить не стану принципиально — сам сравнительно недавно это пережил.

Я знаю Шуру давно, с тех пор, как он дебютировал в Театре имени Ленинского комсомола в спектакле Бенедикта Норда «Первая конная» Всеволода Вишневского, где играл какого-то негодяя-насилльника, естественно, белого офицера. С тех пор минуло почти сорок лет или целая жизнь. За это время он переиграл немало ролей у разных режиссеров — от Эфроса до Плучека. Сменил два театра, последние двадцать с лишним лет работает в третьем, в Театре сатиры, и, похоже, не собирается никуда уходить. Вырастил сына, теперь опекает внука и внучку, иногда занимается режиссурой и даже стал профессором в родном Щукинском училище.

Александр Семенович Менакер как-то после одного из многочисленных Шуриных капустников сказал мне: в другой стране он мог бы создать прелестный театр миниатюр, в который люди бы стремились попасть за любые деньги. Но кто это позволит ему здесь?

Действительно, капустники Ширвиндта, которые он делал в 50—60-е годы в Центральном Доме актера имени А. А. Яблочниковой, давно стали театральной легендой. Ведь тогда это была всеобщая отдушина

на фоне чудовищной казенщины. Ни в театрах, ни на эстраде никто не мог себе позволить ничего подобного. А Ширвиндт и К<sup>0</sup> ни у кого никакого разрешения и не спрашивали. Смеялись над всеми и всем, и самое удивительное, что до какого-то времени им это все сходило. А когда не сошло, тогда они просто прекратили шутить. Не вообще, но в Доме актера, ибо в других местах кто мог помешать, к примеру, Ширвиндту с Мироновым или с Державиным сделать какой-нибудь убийственно смешной номер на раз?

И хотя его популярность связана в основном с эстрадой и телевидением, были у него и безусловные успехи и в театре. Скажем, в спектаклях Анатолия Эфроса «Снимается кино» или «Мольер». Или граф Альмавива в спектакле Валентина Плучека «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Деликатность момента состояла в том, что до него этого самого графа блистательно сыграл Валентин Гафт. Надо было придумать что-то свое. Не знаю, как уж оно вышло, только хорошо помню, что Ширвиндт сыграл такого Альмавиву, которому вовсе не хотелось затевать всю эту интригу с Сюзанной и он пошел на нее исключительно из уважения к автору. Чувствовалось, что граф так от всего устал, изнемог, что ему бы сейчас уединиться и предаться воспоминаниям, но не тут-то было! Бомарше не давал покоя! Я не говорю уже о бешеном темпераменте Миронова—Фигаро, который и слушать не хотел о какой-то усталости. Он и сам

ее никогда не испытывал и не понимал, когда кто-то на нее жаловался.

Ученик Ширвиндта Леонид Трушкин предложил своему учителю два года назад главную роль в пьесе Б. Слэйда «Чествование» в Театре Антона Чехова. Конечно, были некоторые сомнения: лет десять назад в нашем прокате прошел одноименный фильм со знаменитым Джеком Леммоном в этой же роли. И что же, вышла премьера, спектакль прошел больше ста раз не только в Москве, но и в других городах, и всюду — большой успех, хорошие рецензии и настоящие аншлаги. Так что, пожалуй, Скотти вполне может продолжить список актерских удач Ширвиндта, хотя он сам к своим актерским достижениям относится достаточно скептически.

Может быть, это все та же маска, средство самозащиты? А может быть, Александр Анатольевич и в самом деле человек скромный и застенчивый? Что он необычайно добро ко всем — это известно давно, такой уж у него характер. Хотя, не к юбилею будь сказано, и крови он может попить, как никто, при всей своей действительной доброте.

Может быть, это лишний раз подтверждает справедливость мысли Станиславского — играя доброго, ищи, в чем он злой, и наоборот. Ведь в конце концов в каждом из нас намешано столько всего. Но важно — чего же больше. А в нашем герое больше всего добра и таланта.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.